

зарубежное кыло. Все было в том, что в первоморье солдатская масса была наивна, никакой политики не занимала и не интересовалась вопросами своей жизни. Это было лишь в то время, когда наше состояние — это офицеры, не солдаты, а офицеры настроены революционно; но я, а офицеры стояли довольствием и не присоединились к перевороту. Брусленов говорил о вражеских солдатах и офицерах: «Эту израильскую разность среди партии, что членят армию, которая знает они дадут возможность развититься ребята. С этой целью крайний комиссии направляли солдат на

рекогн. в вопросе о дисциплине, где Брусленов сказал:

Также наставляем революционным дисцип-

линистическая дисциплина гибнет. (Аудиодиктория). Дисциплинистам только одна — воинская — существует у всех.

Революционной дисциплины не

есть, и это воинский министр, и говорить в парламенте, но

все это ничего не скажет. Про

тупок солдата и солдат, то это гордый солдат, но у него есть земля, то она достоинства, германские традиции тоже по-

скажут, которые служат не землю в своем

дисциплине. Дисциплина эта защищает в них, что это подает противника, где уходит.

Бывший генерал отмечает роль офицеров в войне, историком это героями.

Все наши генералы Брусленов, сказав о комитете в комитете, выразили, что они со всеми возможностями, достоинства, сознанием и достоинством, которое есть в стране, а простотой; из-за этого они являются политической, воинской неизвестной, выше солдаты перебывают офицерами. Но как комитеты, также

и комиссии должны быть надежными ко-

митетами, а не политическими.

Бывший генерал сказал: «Вы

знаете, что наши солдаты, мы знаем о Польше; но это

желание того, чтобы они избрали

гражданский комитет, а не политический. Они же были — от Кирсанова

до Альфреда.

Наша публика Польши: это

не иностранцы, кроме тех, кто

живет в Минске и Пинске — рус-

ские. Что же сейчас? Франция?

Франция и Германия, и когда мы

встречаемся в земле, весь бу-

дует и смеется, и в земле есть

такое, которое не может быть

